

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

«...Сколько бы не прошло лет, но мы, фронтовики, всегда будем помнить твой подвиг 8 марта сорок вто-

рого, твои боевые дела на Кавказе, в Крыму, на других фронтах Великой Отечественной войны. Тебе куда было

труднее, чем нам, мужчинам, но ты шла вместе с нами в огонь и воду, спасая бойцов, врачюя их раны.

Спасибо тебе за ратный твой труд!». (Из письма бывшего солдата В. Петрова Марии Московской).

В ДЕТСТВЕ у Маши был чистый, звонкий голос. Ей пророчили консерваторию, сцену театра. Может так оно и было бы, если не война. Вест о ней, прозвучавшая из черных тарелок радиорепродукторов, в один миг приглушила радость по всей России. Умолкла в тот день и Маша. Повзрослевшими, тревожными глазами смотрела она на очереди у военкомата, на проносившиеся мимо поселка эшелоны с красноармейцами. Тринадцатилетний брат Анатолий уверял:

— Фашистов в одну неделю разобьем. Вот увидишь.

Но фашистов почему-то не разбивали. Наоборот, они все шли и шли. И вот уже за клубились дымом родные замкуские холмы, а днем позже, чужие, в мундирах мышиного цвета, солдаты расхаживали по поселку, гонялись за курами, врывались в хаты, требуя «ййки» и «млеко».

Впрочем, разбойничали они недолго. В первые зимние ночи вдруг замесались, начали жечь дома. А на рассвете Маша услышала русские голоса: в Матвеев-Курган вернулись красноармейцы! В Машиной хате, выстроенной в низине за насыпью железной дороги заночевало пятеро. Прокопченные, обветренные, они угощали и брата солдатскими сухарями, а Маша засыпала их вопросами:

— Школа опять откроется?
— Обязательно, — отвечал высокий сутулый боец, назвавшийся дядей Ваней.

— И в кино будем ходить?
— Будет и кино, дочка. Однажды Маша, расхрабрившись, предложила:

— Хотите, я вам спою?
Маша спела любимую «Сублику». А когда кончила последний куплет, дядя Ваня удивленно сказал:

— Да у тебя же талант, в консерваторию надо...

Между тем, подходил март, а вместе с ним женский праздник. В эту ночь не спали постояльцы в Машином доме: чистили автоматы, писали письма, потом начали собираться в дорогу. Сжалось Машино сердце:

— Куда же вы? Насовсем? Дядя Ваня привлек к себе Машу, заглянул ей в глаза:

— Помнишь мирные женские праздники? Тогда мужчины дарили женам, невестам, матерям цветы, духи. Сейчас, сама понимаешь, время другое. Я хочу подарить тебе, доченька, Волкову гору, а может быть, и весь Таганрог. Вот и иду за этим подарком. Прощай...

А на рассвете в той стороне, за Миусом, куда ушел дядя Ваня с друзьями, под Волковой горой будто разверзлась земля. Гром разрывов, слившихся в сплошной гул, докатывался до поселка. Дрожали стены избы, звенели стекла, колыхались ставни. Маша прижалась к матери, а Толя тотчас исчез из хаты. Он вернулся спустя полчаса, с порога выдохнул:

— Дядю Ваню ранило.

Если бы брат сказал это о ком-либо другом, но дядя Ваня... Тот, который обещал отвезти в Москву, хотел подарить ей Волкову гору... Она представила его в крови, на мерзлой земле, и жалость, сжавшая сердце, приглушила страх. Она поднялась на чердак, спустилась оттуда с сачками:

— Где он? Показывай.

Чуть позже, спеша за братом, она взбиралась уже на насыпь железной дороги. У видной отсюда Волковой горы вздымался огненный смерч. Там дымилось, горело, сверкала. Мины пролетели над насыпью, и Маша плюхнулась в снег. Но та же сила, которая заставила выйти ее из дома в этот гремевший ад, подняла ее на ноги. Дядю Ваню увидела под обрывом, на исклеванном минами льду реки. Он пытался ползти, оставляя кровавый след, но силы, видно, были уже на исходе. Увидев Машу, он приподнялся на локте, пошевелил побелевшими губами:

— Вот оно, доченька, как получилось. Не дошел до горы, а теперь уже не жилец. В кармане адрес. Напиши домой...

— Ты будешь, дяденька, жить.

Слова эти Маша проговорила в слезах, поправляя сбившуюся повязку на шее бойца. Устроив его на санках, вместе с братом налегла на лямки. Дома же уложила дядю Ваню в кровать, и опять поспешила в клоковатую боем, потемневшую от воронок долину. Там ведь ждали другие раненые, которых не успевали выносить военные санитары. С нею теперь кроме брата была сестра Ольга и еще Наташа Коробчанская. С их помощью насколько перевязывала бойцов, укладывала на волокушу и, лавируя между минных воронок, тянула ношу к поселку. Когда в избе не осталось свободного места, раненых стали заносить в подвал. Кончились бинты и Машина мать Прасковья Устимовна открыла свой сундучок. Чистые простыни, полотенца, наволочки — все пошло в дело, на перевязки. А на третий

день, когда бой утих, Маша заметила возле насыпи командира. Она привела его в избу, показала спасенных бойцов. В подвале, своей и соседних хатах лежали более ста раненых.

— Что делать, не знаю.
— Раненых немедленно эвакуируем, — сказал офицер, командир полка 339-й дивизии. И, пожав руку Маше, добавил:

— Спасибо за службу. Так поступают настоящие патриоты. Маша не знала уставных слов, которыми положено отвечать на воинскую благодарность, и она сказала то, о чем думала:

— В санитарки хочу. Возьмете?

Шел ей в ту пору только шестнадцатый год. Но подвиг, свершенный восьмого марта, оказался доброй рекомендацией. И вот она одевает шинель, перекидывает через худенькое плечо ремень санитарной сумки. Вместе с дивизией в июльские дни Маша отходила из-под Ростова, шагала под знойным солнцем Кубани, пробиралась тропами предгорий Кавказа, мокла в плавнях под Абинской. И повсюду, в дыму, среди свиста пуль, разрывов мин, склонившись над ранеными, шептала слова, которые впервые произнесла под Волковой горой:

— Ты будешь жив, дяденька, потерпи...

Сама она тоже была незаговоренной. Однажды близко рванула бомба. Маша очнулась в госпитале. Она ничего не могла сказать, а звуки доходили будто сквозь вату. «Контузия», — написал на бумажке врач. — Подлечим, отправим домой». Но молодость взяла свое: Маша вернулась на фронт. Только попала в другую, 417-ю дивизию, с которой дошла потом до Балтийского моря. Она выносила раненых бойцов со склонов Сапун-Горы, с Каховского плацдарма, перевязывала их в лесах Белоруссии, на песчаных дюнах Рижского залива. Вернулась в Матвеев-Курган осенью сорок пятого с орденом Красной Звезды и пятью боевыми медалями. К тому времени от студеных ветров и контузий пропал у нее голос, но осталась та же душа, которую некогда вкладывала Маша в песни и которая вела ее в огонь ради жизни других. И когда узнала, что в поселковой больнице нужны санитарки, она, не колеблясь, попросилась на эту трудную должность. Вначале работала операционной сестрой, потом перешла в лабораторию. Отсюда она ушла и на заслуженный отдых. Она редко вспоминает прошлое. Но бывает, она одевает новый костюм с орденами. Это случается в праздники, когда в Матвеев-Курган съезжаются ветераны боев на Миусе. Будто помоло-

дев, спешит им навстречу, и тогда седые полковники, генералы обнимают ее, пожимают ей руку. И в такие же дни почтальон приносит ей ворох писем и поздравлений, подобных приведенному в начале очерка. Ветераны-бойцы помнят подвиги Марии Сергеевны Московской, от души желают ей счастья.

А. ГОЛУЗОВ,
капитан запаса,
участник боев на Миусе.
На снимке: М. Московская.
Фото военных лет

Увеличить питательность сена

Валовый урожай сена с воз-
растом растений увеличивается,
но его состав и питательность
ухудшаются. Однако многие хо-
зяйства с уборкой трав обычно
сильно запаздывают, а это приво-
дит к большим потерям в пита-
тельных веществах. Насколько
велики эти потери, говорят фак-
ты.

Все 2.565 тонн сена, пригото-
вленного в хозяйствах нашего рай-
она, содержат в пересчете на ки-
лограммы до пяти миллиграм-
мов каротина, от 20 до 50 граммов
переваримого протеина, от одного
до полутора граммов фосфора и
менее 10 граммов кальция. Такое
сено заготовлено в первой, вто-
рой и пятой бригадах колхоза
имени Калинина, во второй и
третьей бригадах колхоза «Заря».

Хозяйства, которые в срок уп-
равились со скирдованием, полу-
чили высокопитательное сено.

Совхоз «Сад-база» (30 тонн) и

колхоз имени Калинина (40 тонн)
в результате несвоевременной
уборки загубили сено в валках.
Оно складирувалось в скирды
полностью потерявшим питатель-
ную ценность и на 80 процентов
пораженным плесневелыми гриб-
ками.

Большое значение для сохране-
ния в сене питательных веществ
имеет способ хранения. В хорошо
сложенной скирде корм может со-
храняться в течение длительного
времени.

В результате неправильного
скирдования и из-за затекания
скирд погнелыми пораженными
ядовитой плесенью оказались
1.320 тонн сена. Это наблюдает-
ся в отдельных бригадах и отде-
лениях колхозов «Родина», «Рос-
сия», имени Октябрьской револю-
ции и «Украина».

Уже были случаи, когда жи-
вотные, поедая корм, пораженный
ядовитыми плесневелыми грибка-

ми, гибли. Например, в совхозе
имени Ленина, в колхозах «Ук-
раина» и «Россия».

Значительно меньше потерь пи-
тательных веществ происходит
при искусственной сушке расте-
ний, поэтому особое внимание не-
обходимо уделить приговлению
сенной муки. Сенная люцерновая
мука богата каротином — 60 —
140 миллиграммов в килограмме
и переваримым протеином — 70
— 120 граммов в килограмме.
Такой вид корма заготовлен в
колхозах «Мир», «Заря», «Знамя
коммунизма» и «Украина».

Впереди весна и лето — пора
выращивания и заготовки трав.
И уже сейчас в тех хозяйствах,
где раньше допускались недостат-
ки, необходимо подумать над ор-
ганизацией заготовки сена.

Р. ЛАВРИНЕНКО,
химик-токсиколог
Матвеево-Курганской
ветлаборатории.